

фическое понятие. За месяц боев я стал взрослым, а ведь мне было всего девятнадцать лет». Наши дети и внуки должны помнить историю.

## Зоя ЕСТАМОНОВА

### БЫТЬ...

#### I

- Мой прадедушка штурмовал Рейхстаг...
- Мама была командиром санитарного взвода...
- Мой дед Василий Смирнов имел бронь, пошёл добровольцем и погиб на Брянском фронте...

«Бессмертный полк». И каждому, поднимающему над головой портрет фронтовика, хотелось бы сказать о нём хоть несколько слов.

- Отец участвовал в Сталинградской битве...
- Дед – Герой Советского Союза, маршал бронетанковых войск...
- Наш получил награду в боях за Москву, под Ржевом в сорок втором...

Ржев... Послание Владимира Путина Федеральному собранию, где он называл создателей новейших образцов стратегического оружия героями нашего времени, мир услышал 1 марта 2018 года, а 3 марта исполнялось 75 лет со дня освобождения Ржева.

Немецкие войска из группы «Центр» готовили наступление на столицу. Бои под Ржевом длились около года. Защищая Москву, погибли сотни бойцов. Побывавший на Ржевско-Вяземском выступе Александр Твардовский говорил: «Впечатление от этой поездки было за всю войну из самых удручающих и горьких до физической боли в сердце...»

И были написаны эти строки:

*Я убит подо Ржевом,  
В безымянном болоте,  
В пятой роте, на левом,  
При жестоком налёте.  
И у мёртвых безгласных  
Есть отрада одна:  
Мы за Родину пали,  
Но она спасена.*

Военный лётчик Алексей Рапота был участником этой битвы: «Для меня Ржев – это не просто геогра-

#### II

Знали бы они, победители, которых нет с нами, в том числе мой отец и мать, которые прошли всю войну, что фашизм живуч, подобно омерзительному вирусу, и способен вернуться. И вот теперь нынешние ветераны войны узнают, что на Украине, где погибло восемь миллионов, улицы называют именами фашистских преступников, нацисты оскверняют памятники на братских могилах и памятник освободителя Киева генерала Ватутина. А в Польше, где принят закон декоммунизации, загробные плиты советских воинов вырывают из земли и разбивают кирками.

И что испытывали бывшие фронтовики, когда не стало Советского Союза, который они защищали? В телевизионном ток-шоу «Красный проект», посвящённом 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции рассуждали о том, как распался СССР. Распался или угробили? Развал или предательство? Мне кажется, о том, что с нами случилось, не скажешь лучше, чем директор института экономических стратегий Александр Агеев: «Да, человек свободен, но в какие экономический условия он поставлен? Он – экономический раб. Если посмотреть на его трудовой потенциал, он тоже окажется рабом – работодателя, хозяина – барина. Мы просто-напросто вошли в рабство».

#### III

В 1987 году съёмочную группу Кемеровского телевидения командировали в Киргизию. Я брала интервью у знаменитого советского писателя Чингиза Айтматова. Чингиз Торекулович был уверен в необходимости демократизации советского общества, которое он считал «гуманистическим в своей основе». Перестройку называл «своеобразной революцией внутри себя». Тогда мы ещё не знали, что реформы перестройки были задуманы как путь в мир буржуинства. Понятия не имели, что близится уничтожение СССР и будет сопровождаться циничным грабежом народной собственности, а Ельцин подкрепляет своё предательство приказом обстрелов Верховного Совета и кровавой бойней, в которой будут уничтожены сотни людей.

«...Включил телевизор и услышал до боли знакомый, ненавистный голос: «Дорогие россияне!». Непримиримый борец с партийными привилегиями в очередной раз обещал народу великие блага, обе-

110

щадл лечь на рельсы, если не выполнит их, – писал в документальной повести «Торгуем все» Геннадий Естамонов. – Развалили великое государство, великую общину, которую ползающие по её развалинам назвозные жуки стали называть империей...»

Перестройка не миновала и телевидение. Я почувствовала себя в родной телестудии чужим человеком. Многим из нас приходилось услышать от председателя местного ТВ предупреждающее: «Я тебя нанял...». В редакции появились гости из Москвы – «кураторы». Познакомившись с планами работы, спросили меня: «Что это вы занимаетесь просветительством?». Просветительством, судя по всему, называлось главное из сделанного: репортажи по темам искусства, очерки о Гражданской войне в Кузбассе, информация о проблемах экологии в нашем промышленном крае, передачи о творчестве мастеров-древоделов в Мариинске, который в нынешние дни называют городом-музеем. Долго ещё я не могла понять, что отныне роль телевидения – набор развлечений, наспех сделанных сериалов и приносящей доход рекламы. Ведь прежде любая редакционная задумка заставляла задавать себе вопрос: это нужно людям? Нужно сейчас?

Но наступало время потребительских ценностей и материальных приоритетов, утробной тяги к комфорту и презрения к рабочим профессиям. ММ Время социального расслоения: сотни миллионов, десятки миллиардеров и миллионы нищих и полунитых.

Когда мы начинали жить «под руководством мирового сообщества», в чутком русском языке появилось модное словечко «как бы»: «как бы президент», «как бы образование, любовь»... «Как бы» можно стало видеть на полках магазинов – странные суррогаты с пальмовым жиром. Появилась «как бы культура»: способ справляться с творческой импотенцией. Скажем, раскрасить по своему вкусу любимый фильм «Семнадцать мгновений весны». Можно было «как бы» уподобиться поэту и музыканту Борису Гребенщикову, который заявлял, что русскую литературу читать не следует, Толстой и Достоевский – больные люди. А если всё же читать, станешь неполноценным человеком.

В те дни я впервые увидела бомжей и нищих, узнала, что в лежащих на поверхности трубах города живут маленькие беспризорники.

В середине 1990-х мы закончили съёмки большого телефильма о строительстве Знаменского собора. Я отправилась в очередной отпуск, а в отделе кадров появился приказ о моём отчислении. В защиту встал коллектив. Меня оставили.

Наши общие собрания по понедельникам, так называемые летучки, всё ещё существовали, но начальство поговаривало, что все коллективные мероприятия – совковские привычки. Если бы это было только их мнение! В статье философа В. Кантора коллектив назван был «варварской структурой».

В 1990-е годы, когда советская животворная энергия созидания стала иссыхать, а мы устремились к западным идеалам, творческий порыв, олицетворённый в монументе Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», кто-то из наших искусствоведов назвал «агрессивным движением». Между тем в прологе, открывающем фильм режиссёра Карена Шахназарова, видим, как лежавший вниз лицом этот советский монумент медленно и неуклонно поднимается и встаёт: быть!

«Быть или не быть – вот в чём вопрос...»

#### IV

«Я не думал, что рухнет советский проект, – говорил историк Пивоваров. – Он живёт в бывших республиках. Новый тип человека является в нынешней истории...» Но после этих убедительных слов он быстро опомнился: «Я против большевизма!»

С мечтой о европейских идеалах, с попытками поддержать всех, кто готов переписать на свой лад нашу историю, выползли из 1990-х отечественные либералы, все эти амбуэли, неспособные существовать без поддержки американских советников.

– А как бы вы определили в одной фразе суть советской цивилизации? – спрашивал своего собеседника историк Вадим Кожемяко.

Профессор, историк и публицист Сергей Карамурза ответил:

– Это способ выйти на необходимый для России уровень всех современных сил, опираясь на русскую общинность.

– Как это соотносится с другими цивилизациями?

– Это одна из главных альтернатив жизнеустройства.

Запад предложил очень мощную конструкцию, но в ней силён хищнический элемент. Эта система неприложима ко всему человечеству. «Золотой миллиард» – итог этого пути, глобальный фашизм...

#### V

Солнечные, магнитные бури. В Сибири снег весной и пожары в тайге. Ливни и потопа в России и Европе. Экстремальная зима в США. Возможно, в необычных изменениях климата американская элита также увидит агрессию России.

Санкции! И ещё раз – санкции! Главные виновники всегда президенты: Саддам Хусейн, Каддафи, Милошевич, Башар Асад и, разумеется, Путин. А уж в способах и формах своей «демократии» американцы изобретательны. Тут и возбуждения «цветных революций» в пограничных с нами странах, яростная русофобия на Украине, окружение России своими базами, провокации разного рода, вплоть до щедро оплаченных унижений российских спортсменов на Олимпиаде.

«Прекратите раскачивать лодку, в которой мы все находимся!» – обращается наш президент к так называемым партнёрам. А они всё никак не могут унять патологическую ненависть к России. «Американцы не понимают ментальность других народов», – предположил в телевизионной беседе израильский философ. Вряд ли.

В газете «Совершенно секретно» Алексей Мокроусов представлял книгу профессора университета штата Огайо Дэвида Л. Хоффмана «Вращение масс. Модерное государство и советский социализм. 1911–1939 гг.». Автор книги не согласен с историками, которые рассматривают СССР как аномалию исторического развития: «Идея социалистической идеологии стала общей для государств XX века. Когда в 1930-е годы была создана плановая сталинская экономика, советское государство взяло на себя ответственность практически за все нужды рабочих... Советская система, требовавшая, чтобы каждый занимался общественно полезным трудом – частный пример общеевропейской тенденции. Советский Союз представлял собой уже не просто источник вдохновения для социалистов-революционеров – отныне это был новый экономический архетип, с которым капиталистическим лидерам приходилось считаться...»

Всё так. Но если говорить о нынешнем времени, своеобразным продолжением исследования Дэвида Л. Гоффмана можно считать текст экспертов «Римского клуба», который цитирует Владимир Овчинский: «Главный урок, который дала некогда великая держава Россия, ещё 25 лет назад являвшаяся вместе с США технологическим лидером, – это наглядная картина того, что происходит, когда общественные блага: природные ресурсы, социальная и экономическая инфраструктура отрасли с глубоким и большим разделением труда – перестают быть общественным достоянием и попадают в руки одиночных хищников – финансистов».

25 марта 2018 года. Траур в Кузбассе, траур в стране: десятки сгоревших в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня». Более половины из них – дети. «Большинство пишущих о кемеровском пожаре видят во всём жадный, бесчеловечный капитализм, от которого всё зло», – пишет автор газеты «Завтра» Татьяна Воеводина. Она сравнивает русских, живущих «на авось», с европейцами, привыкшими к порядку, и делает вывод: «По правилам жить проще и удобнее». Только, судя по всему, собственник ТРЦ «Зимняя вишня» воспитан правилами 1990-х.

Социальная ответственность? Охрана жизни посетителей центра? Ничего, кроме собственной выгоды. Правила? Это именно то, что режиссёр Николай Губенко назвал «идеологией наживы и стяжательства», а Михаил Ходорковский выразил мысль гораздо проще: «Наш компас – прибыль. Наш идеал – Ваше Величество Капитал».

В майские дни 2018 года в московском музее «Песня» открылась выставка «Будни великих строек», посвящённая советской живописи 1930–1950-х годов. Своими впечатлениями делится искусствовед Галина Иванкина.

## VII

«В Советском Союзе превозносился труд как явление и феномен. Большевизм, будучи новой религией, поставил цель – рай на земле, построение коммунизма. Неслучайно в литературе возник мотив эдемского сада: «Через четыре года здесь будет город-сад...» Что ни слово, то, мягко говоря, ирония. «Литература», из которой искусствовед узнала о строительстве Кузнецкстроя, – поэзия Владимира Маяковского. «...Тема – ровно та же – из грязи и отсталости вырваться в сияющее завтра: «Мы в сотню солнц мартенами воспламеним Сибирь...» «Владыкой мира будет труд» – писалось на тех лозунгах, и, что характерно, люди в это верили...»

Да, верили. «Срочно! Ни одной минуты задержки! Кузнецкстрою!» – с этой надписью на вагонах в 1929–1930 годах шли эшелоны с машинами и оборудованием к месту будущего гиганта металлургии. На стройку ехали сотни добровольцев из Москвы, Ленинграда, с Уралмаша. Ехали опытные рабочие, мастера доменных печей. Верили, госпожа Иванкина. Мне жаль, что вам не пришлось познакомиться с работами художников Кузбасса, для которых одна из главных в творчестве была именно эта тема – Кузнецкстрой.

Первыми строителями металлургического комбината были землекопы с кирками, лопатами, тачками. Их пытался представить себе и изобразить художник Иннокентий Кузнецов. В 1968-м году он пишет большое полотно «Грабари Кузнецкстроя».

В работе живописца Юрия Лобузнава – торжество в честь завершения строительства. «Я хотел не время реставрировать, а создать поэтический образ: легенду о Кузнецкстрое».

Молодой график Александр Бобкин мечтал воплотить в серии офортов «путь формирования личности, переход от утилитарного мышления к социалистическому». И не лозунги вводит он в ливень штрихов и волны пульсирующего света, а ликующие слова: «Есть чугун! Домна задута!». Помню, он говорил: «Я воспринимаю строительство КМК как событие, по масштабу в какой-то степени вселенское, когда происходит воссоединение большого человеческого коллектива».

## IX

«Я всем немцам, с которыми встречаюсь, всегда говорю, какая это замечательная страна – СССР. И Сибирь особенно. Говорю о величественной природе, о людях и всегда ставлю их вам в пример...» Художник Юргис Ионасович Прейсс говорил с немецким акцентом, но русским языком владел безупречно. В кемеровском Союзе художников он был одним из самых талантливых живописцев. Его работы побывали на выставках в Париже.

Немецкий коммунист, он, преследуемый гестаповцами, в 1933-м году покинул Берлин. Побывал во многих европейских странах. Жить остался в Советском Союзе. Зная, как долго не заживает память переживших войну с немецкими захватчиками, изменил своё имя. Ганс стал Юргисом.

Родину он не забывал. Часто посещал Германскую Демократическую Республику. Уезжая, отправлял письма русской жене: «...лучше, чем в Советском Союзе, нигде нет. Я люблю здоровую, настоящую жизнь. В остальном мире очень много блеска и фальши».

Прейсс ушёл из жизни прежде, чем перестал существовать Советский Союз. Не сомневаюсь, он был бы согласен с Владимиром Путиным, когда тот на вопрос американской журналистки: «Какое событие, которое произошло в России, хотели бы изменить?» – ответил: «Развал Советского Союза».

Устойчивая память детства возвращает минуты прощания с родителями, уходящими на фронт. Плачет мама. Молча обнимает меня отец.

И вот, прижимая к себе любимого плюшевого мишку, я сижу на коленях маминой сестры, рядом с двумя бабушками, в переполненном кузове грузовика. Эвакуация... Увозят в соседний город, где, кажется, ещё не было таких, как у нас, бомбёжек днём и ночью. Там живём в общежитии до начала зимы и снова едем, теперь уже в холодном, обледеневшем вагоне в далёкую Свердловскую область.

Постоянно вспоминается дом в селе Сылва и его старенькая хозяйка. Она из местных староверов. Утром и вечером молится, стоя на коленях и перебирая чётки. Говорит Елена Афанасьевна со своим уральским своеобразным произношением, нажимая на «о»: «Пойдёмте к соседям **обедать**. Егорку на **войну провожают**...». Уходит на фронт Егор, уходят другие парни, совсем ещё мальчишки. Немногие из них вернутся...

Тётя Нина устроилась работать на станцию, в восьми километрах от села. Бабушка Таня достала привезённую швейную машинку, шьёт и перешивает для кого-нибудь, зарабатывая на пропитание. В сельмаге по карточкам дают немного хлеба, а почти весь он – мне, а себе пекут лепёшки из картофельных очисток.

«От Советского информбюро...» Слушаем фронтовые новости, тревожные, тяжкие или хорошие. Почтальон приносит долгожданные весточки. В конвертах есть рисунки для меня: мамина кукла Ася, папины танки и пушки.

В Новый год нас приглашают в школу на утренник. Ребята поют и читают стихи. Больше всего мне понравилось про собаку, которую мальчик подарил брату.

*И Дозор был ранен,  
Он герой у нас,  
Он меня от смерти  
На границе спас...*

Тётя Нина принесла из библиотеки книгу сказок Пушкина. Их читали вслух для всей семьи. Училась читать и я.

Растаял снег, зазеленели тополя и берёзы. На полянке у дома засияли золотые головки одуванчиков. Ребята с нашей улицы угощают меня сочными стебельками молодого лопуха. Лето – это уже и собственные овощи, и лесные дары. Белые грибы –

сытный и вкусный суп, сушеные – обмениваются на муку.

Приглашаем к столу женщину, которая ходит по улицам с надеждой обменять на еду то, что у неё есть – ёлочные игрушки. Приехала она из Ленинграда, где переживала голод блокады.

В сентябре 1944-го освобождён наш Брянск. Мы возвращаемся. По улицам города проходят колонны военнопленных. И наши земляки, пережившие все ужасы фашистской оккупации, раздают еду немецким солдатам.

Кто бы мог знать, встречая счастливый День Победы, что в Европе, где, освобождая города, погибали наши воины, начнут вычёркивать из памяти то, что невозможно забыть. А как назвать поступок правительства ФРГ – циничный пересмотр результатов войны, безоговорочной немецкой капитуляции? «СССР и Российская Федерация больше не рассматриваются в роли победителей во Второй мировой войне». Но народная память жива, а память истории – бессмертна.

– У меня воевали два деда. Оба погибли...  
– Мой прадед прошёл всю войну в пехоте рядовым, четыре ранения...

– Дед по отцовской линии был партизаном. По ночам он иногда приходил повидаться с семьёй. Кто-то выдал его. Дедушку схватили, увезли, расстреляли. До сих пор не нашли его могилу. Знали только лес, где он погиб, недалеко от Могилёва...

– После битвы за Москву в сорок втором году деда назначили командующим Ленинградским фронтом. Спасти город и его жителей стало тогда смыслом жизни дедушки...

– Мой отец Владимир Спиридонович Путин, несмотря на бронь, пошёл на фронт, воевал, получил тяжёлое ранение. Из шести братьев отца пятеро погибли...

– ...Брестская крепость, оборона Москвы, Ленинград, Сталинград, Курск, трагедия Катыни...

Грош нам цена, если не сбережём память. Подобное нельзя забывать!

*г. Кемерово*

